

быть терпима ни реакцией, ни революцией.

Но это, разумеется, не значит, что школа Феррера, направленная против поповско-дворянской, королевско-жандармской реакции, не была фактором революционным. Она наносила удар господству духовенства, способствовала духовному раскрепощению народа. Поэтому реакционная Испания повела бешеную атаку против Феррера и его школы. Духовенство требовало его казни. Полиция начала преследовать школу и ее работников.

В иссле 1909 г. испанская реакция получила удобный предлог для расправы с Феррером. В Марокко началось восстание туземцев против испанского владычества. Правительство двинуло туда войска. Народные массы были против войны. Солдаты не хотели проливать кровь во имя укрепления в Марокко господства испанской буржуазии. На этой почве в Барселоне началось восстание. Масса решительно поднялась на

борьбу. Но — рассказывает автор брошюры.—

«У восставших не было никакого определенного плана, и они действовали каждый по своему усмотрению, стараясь утолить сжиганием ненавистных им монастырей долго скоплавшуюся в их сердцах жажду мщенья».

Феррер не принимал в движении участия. Он относился к нему скептически, — считал его «бесполезной вспышкой». Движение, не имевшее вождей и руководителей, конечно, не могло победить. После подавления восстания началась расправа. Был арестован Феррер, на основании подложных «документов» осужден на смерть, и 12 октября 1909 года расстрелян.

При чтении книжки М. Р-ского необходимо иметь в виду, что автор относится не критически к идеям Феррера, что он считает за анархическую добродетель даже наиболее грубые ошибки анархического движения.

И. Бардин.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МИЛИТАРИЗМ.

1. NICOLAI, Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920. E. Mittler und Sohn.

1. НИКОЛАИ. Информационная работа, печать и народное мнение в течение мировой войны. 236.

2. Г. О. ГОРДОН. Немецкая пропаганда на русском фронте. „Голос Минувшего“. 1918. № 4—6.

3. ФРАНСУА ЛЕШАНЕЛЕ. Пропаганда лорда Нортклифа во время войны. Перевод статьи из „Correspondant.“ «Вестник Комиссариата Иностр. Дел.» 1921. № 3—4.

Выдающаяся роль общественного мнения вообще, в особенности в эпоху войны или революции, всегда была ясна для руководящих кругов всех стран. Политические партии буржуазной Европы руководились в своей политике стремлением завоевать симпатии широких народных кругов. «Тенденция в

области политических или церковных вопросов, — указывает К. Бюхер в своем очерке «Зачатки периодической печати», — впервые имела место в Англии в эпоху Долгого парламента и революции 1649 года». Как видим, пропаганда путем печатного слова имеет за собой более двух с половиной веков, в течение которых периодическая печать всегда формировала общественное мнение.

В настоящее время мировая война уже закончена и стоит перед нами, как история. Однако, страсти, связанные с возникновением войны, с ее течением и ее концом, еще не утихли. Мировая война представляет из себя и в наше время, в России, быть-может, меньше, чем на Западе, главн. образом, в Германии, важную политическую проблему. Этот двойной интерес к войне, интерес историко-политический, обуславливает появление целого ряда мемуаров участников войны.

В области мемуарной литературы в первом месте стоит Германия. Побужден-

ные всегда нуждаются в оправдании — мемуары преследуют по преимуществу оправдательную роль. Одним из таких, написанных *pro domo sua* мемуаров, является произведение генерал-лейтенанта германского генерального штаба Николаи. Этот последний во время войны стоял во главе III отделения генерального штаба — отделения информации, пропаганды и печати. Круг деятельности этого «III отделения» охватывал и военную цензуру, которая при всеильном могуществе и высоком значении верховного командования распространялась далеко за пределы сохранения военной тайны, то-есть ее непосредственных задач. Николаи был одним из ближайших помощников Людендорфа по генеральному штабу. Влияние Людендорфа поэтому очень велико в его мемуарах. Их связывает с мемуарами Людендорфа общий язык, как в смысле общих понятий, общего обоим авторам отношения к тем или иным социальным явлениям, политическим партиям, так и в буквальном смысле. Мемуары Людендорфа — образец военного языка — занимают среди германской современной литературы выдающееся место, и Николаи один из его первых последователей.

Автор все время подчеркивает свою объективность и внепартийность в качестве «истинного солдата». Много раз на все лады повторяется: мы, солдаты, беспартийны; политика не наше дело. Однако, в Николаи проглядывает убежденный националист и монархист. Его отличает стремление к твердой монархической власти; в нем крайне сильны кастовые идеалы и предрассудки прусского юнкерства. С ненавистью и злобой говорит он о «жидовско-демократической печати» или ненавистных «социал-демократах». К его оценке прессы я еще вернусь впоследствии.

Для успешного ведения войны — указывает Николаи — необходимо, чтобы солдаты были воодушевлены стремлением к победе. И в тылу, и в особенности на фронте должны знать, что поражение влечет за собой гибель родной страны. Поэтому если среди врагов необходимо подорвать желание сражаться, то в своих солдатах необходимо воспитывать стремление и уверенность в победе.

С этой целью в Германии — рассказывает Николаи — была разработана целая система так наз. «отечественного преподавания» — *Vaterlandischer Unterricht* среди солдат. Основные принципы этой системы Николаи обрисовывает следующим образом.

Во главе «отечественного преподавания» стоял командир-офицер, как призванный руководитель солдат. В рамках преподавания никакая дискуссия не допускалась — «*nicht zuzulassen*». Солдатам предоставлялось лишь право задавать преподавателю-офицеру письменные вопросы.

В основу «преподавания» следует положить — гласит приказ генерала Людендорфа о «*Vat. Unterricht*» — объяснение солдатам причин войны, экономического развития Германии, значения и последствия германского поражения, в особенности для германского рабочего. Желательно было показать солдату заинтересованность всех «немцев» в войне; в отношении этой заинтересованности все равны — от императора и до социал-демократа-рабочего, — все равно являются немцами. Николаи здесь последователь своего «высокого покровителя» императора Вильгельма — в его известном обращении к «*meine guten Socialdemocraten*».

Далее следует внушить солдатам уверенность в необходимости бороться далее, пока не будет сломлено желание противника — уничтожить Германию (*der Vernichtungswille unserer Gegner*) и не будет обеспечено дальнейшее экономическое развитие Германии.

«Обеспечение дальнейшего экономического развития» рисовало перед Людендорфом, Николаи и присными приятную картину целого ряда аннексий, контрибуций, «самоопределений» и т. под.

«Достигнутые нами до сего времени успехи, — писал Людендорф в своем приказе (июль 1918 года), — позволяют надеяться на окончательную победу. Необходимо поэтому воспитывать в солдатах уверенность в победе, чувство долга и мужество. Судьба уже на нашей стороне. Сырье и снаряжение имеются; значение подводных лодок растет».

Следует объяснить солдатам необходимость в управлении, в командовании — *des Führung* — во всех областях. Необходим авторитет, с одной стороны, подчи-

чение—с другой. Необходимо поддерживать в солдатской массе доверие к кайзеру и союзным государям, как и к военному командованию.

Внушая солдатам, с одной стороны, «здоровый оптимизм», отечественное преподавание имело целью объяснить солдатам также, что с концом войны еще не наступит конец экономическим затруднениям. Сокращение потребления, суррогаты и рационализация в распределении продуктов и угля необходимы.

Если в солдатах, сражающихся за свое отечество, должно быть воспитываемо воинственное мужество, то того же солдаты имеют право требовать и от тыла. Солдатам надлежит разъяснить, — приказывает генерал Людендорф, — что стачки в тылу подрывают победу и стоят лишней жизни на фронте. Болтовня о мире (Friedensduselei) затягивает победу.

Приведенные из приказа цитаты чрезвычайно характерны. Солдаты подвергаются со стороны командования сильной и длительной обработке. Им пока не говорят о настоящих «целях войны». Это скрыто под оболочкой «обеспечения экономического развития». Указывая им на вздорожание жизни, на сокращение потребления, как на естественный результат войны, все же стараются найти какого-то козла отпущения. Это—внутренний враг: стачки, рабочие и т. под. Командование заранее подготавливает солдат к наступлению на внутреннего врага. От вредной агитации, между тем, солдат необходимо строжайше изолировать. В приложении к приказу об отечественном преподавании Людендорф указывает, что независимая социал-демократия «продолжает вести свою вредную работу», подрывая мужество среди солдат. Поэтому устанавливается строгая цензура для газет и писем, прибывающих к солдатам с родины.

В целях пропаганды в тылу в мае 1916 года был организован так наз. «культурбунд». К пропаганде были привлечены выдающиеся ученые, литераторы и политические деятели Германии. Одним из первых вошел в культурбунд Герман Зудерман, ставший председателем союза; в качестве членов комитета в союз входили: профессора Вальдейер, С. Пресбер, Л. Фульда, Планк, д-р

В. Ратенау (недавний министр восстановления, директор В. комп. Электричества) и лейтенант Пробсанус. Однако, канцлер отказал, из парламентских соображений, в денежной поддержке союзу. «Вследствие этого, — пишет с горестью Николай, — деятельность культурбунда была значительно сужена».

Деятельность т. наз. «Kriegspressesamt'a» была также направлена на укрепление в тылу т. наз. программы Гинденбурга. Эта сторона пропаганды не рассматривается Николай сколько-нибудь подробно.

Весьма интересен отдел книги, гласящий об отношении германской прессы к войне. Германская периодическая печать и ее отношение к войне еще не нашли своего исследователя; однако, мемуары Николаи дают в этом отношении довольно много ценного материала.

Из 3000 германских газет, вышедших в течение войны, 1450 называли себя беспартийными, 205 — консервативными, 214 — национальными, 216 — национал-либеральными; 400 — католич. центра, 287 — свободомыслящих, 79 — социал-демократических, 23 — польских и 4 — датских. В Берлине, представляющем из себя центр германского общественного мнения (берлинские газеты читаются и в провинции), выходило в общей сложности 80 газет, — из них 44 беспартийных, 5 консервативных, 7 националистских, 3 национал-либеральных, 5 катол. центра, 14 свободомыслящих, 1 соц.-демократ., 1 польская.

Если мы примем во внимание, что «беспартийные газеты» в сущности мало влиятельны и мало отличаются от правых, то общий уровень прессы покажется нам более чем «лояльным». Большинству газет — указывает и Николай — обязано военное командование благодарностью. Большая часть прессы выказала себя «достойной доверия генерального штаба».

Немецкая объективность представляла по мнению Николаи, исключительно благоприятную почву для «свободы печати», приносившей много вреда. Влияние прессы нельзя проследить по количеству газет. В Берлине, например, во время войны имелся один социал-демократический «Форвертс», но его «вредное

влияние», по уверению беспристрастного Николаи, было очень велико. Социал-демократическая печать была печатью партийной по преимуществу. Ее влияние на рабочие массы было очень значительно и все время росло. Николаи отдает дань исключительно умелому редактированию социал-демократической печати, например, «Hamburger Volkszeitung», где писал К. Радек. Влияние правительства на социал-демократию в направлении отказа от ее классовых позиций, по мнению Николаи, мало к чему приводило. Военное командование пыталось даже привлечь (в 1918 г.) редакторов «Vorwärts'a» к суду за государственную измену, но правительство уже тогда всецело зависело от принявшего резолюцию мира парламентского большинства, и провести такой громкий политический процесс накануне падения монархии Гогенцоллернов не удалось.

Другой вредной, по мнению Николаи, частью прессы была «жидовско-демократическая печать», в первую очередь «Берлинер Tageblatt» и «Франкфуртер Цейтунг». «Жидовство» этих газет для Николаи несомненно. «Обе эти газеты выказали себя еврейскими газетами по преимуществу (als ausgesprochen jüdische Blätter). Их отношение к войне колебалось (Steig und fall) в зависимости от военного положения, как курсы на бирже» (стр. 182).

Довольно много места посвящает Николаи вопросу о германской пропаганде за границей и пропаганде союзников в Германии. Однако, исчерпать содержание книги Николаи невозможно в небольшой заметке. С этой точки зрения мемуары Николаи значительно дополняют статьи Гордона и Лешанеля.

Г. Гордон исследует «по личным впечатлениям и подлинным документам» вопрос о немецкой пропаганде на русском фронте. В руках г. Гордона имелись немецкие агитационные издания на русском языке для русских солдат: берлинский «Русский Вестник», венская «Неделя» и виленский «Товарищ». Отмечая характерное в содержании немецких агитационных изданий, автор не перестает упоминать о пособничестве немцев «большевистской революции». Тем не менее он не дооценивает работу русских пропаган-

дистов среди немцев, братание и его роль в области подготовки германской революции. Николаи в этом отношении объективнее: он отмечает «испорченность солдат по возвращении с восточного фронта», агитационную (неизменно вредную) роль русского посольства во главе с тов. Иоффе в Берлине и т. д. (стр. 163, 158, 40, 130—31).

Статья Франсуа Лешанеля о «пропаганде лорда Нортклифа во время войны» чрезвычайно интересна и следует одобрить помещение ее перевода в «Вестнике Нар. Ком. Ин. Дел». На основании книги сэра Кемабель Стюарта, ближайшего помощника Нортклифа (по Crewe house'у (помещение отдела пропаганды), Лешанелю удастся нарисовать весьма красочную картину пропаганды английского газетного короля, ставшего в начале 1918 года во главе отдела пропаганды. Сам Гинденбург назвал эту пропаганду «ядом, который заразил не только дух армии, но дух всей Германии» (стр. 38). Недаром литературная пропаганда в Германии была поручена Нортклифом Уэлсу. «Пропаганда имела целью не только произвести угнетающее моральное впечатление на германскую армию и народ, но также ознакомит их с военным положением союзников, с превосходством их военных запасов, с снабжением живой силой и материалом, с их научными открытиями и т. д.» (стр. 40).

И. Звавич.

Dr. PAUL MICHAELIS. Kurland und Litauen in deutscher Hand.

Д-р П. МИХАЕЛИС. Курляндия и Литва в руках немцев. Берлин, 1918. Стр. 198.

Книга написана в момент величайшего торжества немецкого империализма на Востоке. Автор книги был военным корреспондентом «Berliner Tageblatt'a». Этим объясняется содержание всей книги, предназначенной для прославления победоносного немецкого оружия. Кроме того, автор принимал деятельное участие в организации немецкой администрации в завоеванной территории, которая с того момента оказалась тесно связанной и культурно и политически с Германией.